

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 717-725.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.717
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From Siberia to Novgorod Governorate: Revisiting Migration of Polish Exiles in the second half of the 1850s – early 1870s

Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

Partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the last third of the 18th – early 19th Century resulted in elimination of Polish statehood. Its territories were ceded to the Austrian Empire, Prussia, and the Russian Empire. But Russia was the only one where the "Polish question" turned out to be among the most painful problems from the end of the XVIII century, which resulted in an open or latent confrontation between the nationalist-minded part of Polish society and the tsarist administration. Because of suppression of uprisings led by T. Kostyusko in 1830-1831, the January uprising of 1863-1864, backdoor groups of the 1840s and political parties of the second half of the 19th century, a numerous group of "state criminals" was formed, that was sentenced by court or extra-judicially to serve exile or penal servitude in Siberia. However, they could take advantage of the "royal favors" over time, and ask for easing of punishment or opportunity to leave Siberia, by moving to one of the governorates of the European part of the country, excluding both capitals, the metropolitan and Polish governorates. The Amnesty of the year of 1857 marked the beginning of formation of a group of "returnees", and their number was increasing constantly since the end of the 1860s. Novgorod governorate became one of the centers not only for serving exile, but the center that the Pole resettled from Siberia to. The purpose of this article is to consider issues related to migration of the Pole from Siberian governorates to Novgorod Region in the late 1850s-early 1870s. The problems of transfer, settling, and adapting of the "returnees" to new conditions, as well as their relations with local authorities, were reviewed using specific examples. The article is a case study of the State archive of the Novgorod region.

Keywords: political exile, poles, Siberia, Novgorod province, social transformations, adaptation.

1. Введение

Польский вопрос был одним из наиболее болезненных среди национальных вопросов, существовавших в Российской империи с рубежа XVIII–XIX вв. и до 1917 г. Четыре раздела Польши уничтожили на длительное время государственность. Но в то же время они привели к резкому росту национального самосознания. Всплески национально-освободительного движения вылились в два крупных восстания. Вступившему на престол в 1855 г. императору Александру II пришлось проводить крайне противоречивую политику в отношении поляков: начав с либерализации, выразившейся в амнистии участников Русско-польской войны 1830 г., сосланных в Сибирь, он вынужден был реализовывать репрессивные меры в отношении сопричастных к Январскому восстанию 1863 г. Как следствие – появление тысяч осужденных, многие из которых были сосланы на каторгу или поселение в Сибирь.

В результате ряда амнистий возникло обратное движение поляков из Сибири во внутренние губернии, среди которых Новгородская губерния пользовалась большой популярностью.

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

2. Материалы и методы

В данной работе мы рассматриваем вопросы, связанные с переселением участников польского национально-освободительного движения разных исторических периодов из Сибири в Новгородскую губернию. В основе статьи – архивные документы из фонда Новгородского губернатора (Ф. 138) Государственного архива Новгородской области: межведомственная переписка, прошения польских «возвращенцев», статейные списки ссыльных, финансовые документы. Эти материалы позволяют представить еще одну страницу истории польской общины Новгородской губернии в условиях социальных трансформаций.

3. Обсуждение

В российской и польской историографии достаточно хорошо изучен вопрос польской ссылки в Сибирь в 1830-е – 1860-е гг., о чем свидетельствует большое количество научных работ.

Публикации на польском языке начинают активно издаваться в последней четверти XIX – первой трети XX вв. (Giller, 1867; N.p., 1875; Librowicz, 1884; Janik, 1928). В это время научное изучение сибирской колонии базировалось на записках поляков, которые в свое время находились в Сибири в ссылке или на каторге. Под их сильным влиянием в польской историографии на протяжении 60-х гг. XIX – первой половины XX вв. доминировал мартирологический подход в изучении польской диаспоры в России. Столь длительное и устойчивое господство персонифицирования истории и ее частичная мифологизация может быть объяснена патетикой восприятия польским обществом жертв национально-освободительного и революционного движения XIX – начала XX вв. Только в последней четверти XX в. в польской исторической литературе стал преобладать цивилизаторский подход. Смена исследовательских акцентов не отменила изучение истории польской ссылки и привела к появлению новых исследований (Kuczyński, 1993; Masiarz, 1999).

В советской историографии интерес к польской ссылке был продиктован идеологическими мотивами. В 100-летнюю годовщину Январского восстания вышел ряд работ, посвященных изучению положения каторжан и ссыльных в Сибири. Можно отметить, например, исследование Н.П. Митиной «Во глубине Сибирских руд» (Митина, 1966). В 1970-х – 2010-х гг. сохраняется интерес к изучению различных аспектов истории польской ссылки (Никулина, 2004; Никулина, 2005; Никулина, 2007; Никулина, 2011; Недзелюк, 2009; Шайдуров, 2014).

Обращаясь к теме ссылки, исследователи недостаточно изучили проблему обратного движения из Сибири и адаптации поляков, получивших «царские милости», вне первоначального места ссылки. Эти вопросы рассматриваются крайне поверхностно историками, занимающимися изучением польской ссылки в губерниях Европейской России. Так, в статье М.А. Алексеевой «Польская политическая ссылка в Новгородской губернии после 1863–1864 годов» мы встречаем отрывочные упоминания о прибывших из Сибири поляках в конце 1860-х – 1870-х гг. (Алексеева, 2013: 74-83).

Среди публикаций последних лет следует отметить статью Б.Н. Ковалева «Феofil Попель и другие: польская политическая ссылка в Новгородскую губернию после восстания 1863–1864 гг.» (Ковалев, 2019: 164-175). Следует отметить ряд ошибок, которые были допущены автором. Так, отмечается, что «с конца 1870-х гг. здесь (в Новгородской губернии – Авт.) появляются ссыльные, отбывшие длительные ... сроки наказания в Сибири» (Ковалев, 2019: 169). Однако, как свидетельствуют архивные документы того же Государственного архива Новгородской области, к которым апеллирует профессор Ковалев, уже с 1870 г., т.е. почти на 10 лет раньше, на Новгородчину прибывают из сибирских губерний бывшие ссыльные. Не выдерживает критики еще один тезис, отмеченный в статье, что «многие из них были людьми преклонного возраста» (Ковалев, 2019: 169). Известные нам данные как по контингенту ссыльных в Сибири, так и по водворившимся после нескольких волн амнистий в Новгородской губернии, говорят о том, что это были зачастую мужчины в возрасте до 50 лет. Мы вполне согласны с утверждением профессора Ковалева, что казенное пособие для многих ссыльных и «возвращенцев» в Новгородской губернии было важным источником существования. Но мы не можем согласиться с тем, что польские ссыльные были лишены возможности получать деньги из других источников. Так, оказавшиеся в Сибири нередко получали денежные переводы от родственников и друзей. Ошибочным является и утверждение о том, что «заниматься работой по профессии ... было запрещено» (Ковалев, 2019: 171). Тотальный запрет существовал крайне непродолжительное время: до 1868 г., когда ссыльным с некоторыми оговорками, но было разрешено поступать на государственную службу, а кроме того, на общих основаниях заниматься «частными занятиями».

Таким образом, в историографии мы наблюдаем высокий интерес к изучению польской ссылки как в отечественной, так и зарубежной историографии. Однако крайне слабо изучен процесс переселения амнистированных политических преступников из Сибири в так называемые «внутренние губернии» Российской империи после 1857 г. и 1867 г., когда были сделаны шаги по смягчению условий отбывания наказания.

4. Результаты

Бурное на социально-политические потрясения царствование императора Николая I привело к появлению многочисленной группы политических ссыльных, оказавшихся в Сибири. Среди них были «причастные» к событиям 14 декабря 1825 г., участники Польского восстания 1830–1831 гг., представители различных политических кружков. Анализ национального состава ссыльных позволяет нам говорить о том, что поляки были одной из наиболее многочисленных групп ссыльных.

Вступивший на престол Александр II начал свое правление с некоторых либеральных мероприятий, среди которых выделяется амнистия политическим ссыльным. Многие из них были восстановлены в гражданских правах, получили разрешение переехать в одну из так называемых «внутренних» губерний Европейской России. Проживание в белорусско-польских губерниях и обеих столицах амнистированным было законодательно запрещено.

Одним из мест, где обосновались бывшие участники польского национально-освободительного движения, стала Новгородская губерния. Ее выбор был не случаен. С одной стороны, она была близка к столице, с другой – Новгородчина, как и соседняя Псковская губерния, была пограничной с «запретной зоной». Это позволяло поддерживать контакты с друзьями и родными, а некоторым из них и принимать прямое или опосредованное участие в общественно-политической жизни.

Уже в 1858 г. в канцелярию Новгородского губернатора стали поступать отношения из разных губерний, в которых извещалось о намерении того или иного амнистированного поселиться в пределах вверенной ему губернии. Подобные отношения направлялись и в случае возникновения потенциальной возможности появления бывшего государственного преступника в Новгородской губернии.

Одним из примеров может служить Александр Луцкий. За участие в декабрьском выступлении 1825 г. происходивший из обер-офицерских детей унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка был лишен всех прав состояния и сослан на поселение в Сибирь (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1711. Л. 4). По особому Высочайшему повелению, сообщенному генерал-адъютантом князем Долгоруковым 1 декабря 1857 г., среди прочих ему и его детям были дарованы прежние права «по его происхождению». На момент амнистии Луцкий проживал в Забайкальской области. На основании монаршей милости он получил право поселиться, «где пожелает, кроме столиц».

Со стороны начальника Забайкальской области теперь уже бывший ссыльнопоселенец Луцкий получил материальную поддержку – ему были выписаны прогонные и дорожная до Новгород. Это в значительной степени облегчало процесс переселения в Европейскую Россию. Однако восстановление касалось лишь гражданских прав, но не прав на прежнее имущество, которое отошло в казну. В направленном Новгородскому гражданскому губернатору отношении из Департамента полиции исполнительной от 25 ноября 1858 г. среди прочего отмечалось, что средства к проживанию вне Сибири Луцкий должен был изыскивать самостоятельно (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1711. Л. 4-4об.).

Устроиться на новом месте бывшему военному возрастной категории старше 45 лет было непросто. Однако образовательный уровень давал возможность получить общественную или казенную должность, что позволило бы несколько улучшить материальное положение.

Надо сказать, что некоторые из амнистированных попытались водвориться в местах прежнего проживания или у родственников в тех губерниях, где это было запрещено законом. В соответствии с действовавшим законодательством, подданный должен был иметь паспорт, выданный губернскими властями и дающий право проживать в одной или нескольких губерниях. Паспорт давал возможность бывшему ссыльному на проезд в указанные в нем места.

В сентябре 1858 г. Подольский гражданский губернатор известил своего Новгородского коллегу о выдаче паспорта «возвращенному из Сибири на родину Каликсту Ястржемскому» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710. Л. 1). В отношении было указано, что амнистированный намерен получить должность, связанную с землемерными работами. В нем же было высказано пожелание: «учредить за ним ... секретный надзор» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710. Л. 2).

Уже в октябре 1858 г. со стороны Новгородского губернатора последовало распоряжение в адрес полицмейстеров, городничих и земских исправников о взятии под надзор Ястржемского в том городе, где он будет поселен. В результате он был водворен в Тихвине, а 13 ноября 1858 г. Тихвинский городничий известил в своем рапорте вышестоящее начальство, что сделал соответствующее распоряжение о наблюдении за поведением подопечного (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710. Л. 4).

Однако не все участники польского национально-освободительного движения были амнистированы. С 1858 г. губернаторам по линии Департамента полиции время от времени направлялись «списки Польских выходцев, коим отказано в просьбах о помиловании». Подобные списки позволяют выявить круг лиц, осужденных за государственные преступления, но оказавшихся по разным причинам за границей.

«Списки» сопровождалась циркулярным письмом на имя начальника губернии (гражданского губернатора), в котором требовалось установить «наблюдение за появлением поименованных лиц в пределах Империи» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1714. Л. 3).

Один из таких «списков» был направлен из Санкт-Петербурга 18 августа 1858 г. В дальнейшем аналогичные списки веерно рассылались начальникам губерний Европейской России, в которых могли оказаться указанные персоны (см. [Таблицу 1](#)).

Таблица 1. Список польских выходцев и беглецов, получивших отказ в просьбах о помиловании

Имена и фамилии	Каких губерний уроженцы	Когда удалились за границу
Людвиг Сосновский	Варшавской	До мятежа 1831 года
Эдуард Сулимовский	Августовской	По мятежу 1831 года
Павел Скальский	Варшавской	По мятежу 1831 года
Амвросий-Фома Ржевуский	Радомской	По мятежу 1831 года
Иван Миллер	Августовской	В 1848 году
Панкратий Водзинский, сын отставного надстражника в Царстве Польском	Августовской	В 1848 году
Казимир Хмелевский, бывший судебный аппликant в Царстве Польском	Княжества Познаньского	В 1846 году
Франц Дроздовский	Плоцкой	В 1846 году
Феликс-Тит Скоморовский	Люблинской	В 1849 году
Антон Дуниковский	Плоцкой	В 1844 году
Феликс Дуниковский	Плоцкой	В 1848 году
Михаил Остое-Ходынский	Радомской	В 1848 году
Осип Перчинский	Варшавской	В 1852 году
Эдуард Вейхерт	Варшавской	В 1844 году
Нарцисс Фигиетти	Радомской	В 1848 году
Иван Кржеминский	Варшавской	Служил в Финляндском линейном 10 батальоне унтер-офицером, попал в плен во время Крымской войны, поступил на службу в турецкую армию
Люциан Коссовский	Варшавской	Служил в Вологодском пехотном полку подпрапорщиком, попал в плен во время Крымской войны, поступил на службу в турецкую армию

Источник: ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1714. Л. 4; Д. 1713. Л. 8; Д. 1712. Л. 4.

Как видно из приведенного списка, прошения об амнистии подавали разные лица: и те, кто искренне боролся за восстановление польской государственности в пределах Российской империи, но вынужден был бежать от репрессий за границу, и коллаборационисты, нарушившие присягу, данную российскому императору, перейдя на службу к противнику во время войны.

Близость Новгородской губернии к столице требовала строгого контроля за населением. Губернатором были даны указания градским и земским полициям учредить наблюдение за поименованными лицами в пределах губернии и незамедлительно сообщить о них вышестоящим начальникам.

В конце 1860-х гг. Новгородская губерния приняла новую партию польских ссыльных из Сибири. Это были участники Январского восстания, получившие амнистию и право выехать во внутренние губернии Империи.

Одним из первых законодательных актов, направленных на смягчение либо снятие наказания, стало Высочайшее повеление императора Александра II от 27 января 1867 г. Те ссыльные, которые попадали под его действие, заявили о своем желании оставить Сибирь. Среди них были, например, Станислав Станковский (примерно 1826 г. рождения, из дворян Ошмянского уезда Виленской губернии, за «возбуждение разных лиц к мятежу» распоряжением начальника Западного края был сослан в Енисейскую губернию под надзор полиции, с 1865 по 1869 гг. проживал в г. Минусинске) (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 306-4), Петр Янковский (примерно 1813 г. рождения, бывший помощник казначея Гродненского губернского правления, коллежский секретарь, за принятие участия в мятеже по конфирмации начальника Западного края сослан на жительство в Енисейскую губернию, по прибытии два месяца провел в тюрьме, с 1865 по 1869 г. проживал в Тесинской волости Минусинского округа) (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 3 об.-4), Болеслав Дырмонт (примерно 1839 г. рождения, из дворян, коллежский регистратор, за сношение с мятежниками и снабжение их вещами

по конфирмации Ковенского военного губернатора сослан на жительство в Енисейскую губернию под надзор полиции, с 1864 по 1869 г. проживал в г. Енисейске) (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 3 об.-4), Михаил Рыцк (примерно 1841 г. рождения, из дворян Плоцкого уезда, за участие в мятеже по конфирмации начальника Западного края сослан на жительство под надзор полиции в Енисейскую губернию, с его имения взыскан 10-процентный сбор) (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 40б.).

Как мы видим, это были лица, принимавшие различное участие в восстании. Находясь на поселении, они должны были изыскивать средства к существованию. По данным, представленным Енисейским губернским управлением, только Янковский по причине неспособности к работам с разрешения председательствующего в совете Главного управления Восточной Сибири получал с ноября 1867 г. денежное пособие от казны в размере 24 руб./год (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 1 об.-2). Остальные, вероятно, получали денежные переводы от родственников и знакомых, что было типичным явлением для того времени.

Путь в Новгородскую губернию у амнистированных был разный. Так, Болеслав Дырмонт ехал через Пермь, о чем свидетельствуют сопутствующие документы. Новгородскому гражданскому губернатору было отправлено свидетельство, в котором отмечалось, что, согласно циркуляру министра внутренних дел от 2 ноября 1867 г., ему было разрешено выехать из Перми в Новгород за собственный счет. При этом ему было предписано следовать «прямым путем, нигде не останавливаемым» (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 33). Свидетельство было подписано губернатором, вице-губернатором и управляющим экспедицией о ссыльных Пермской губернии.

На проезд к новому месту жительства некоторые из бывших ссыльных получали подорожную и кормовые деньги. Об этом, например, в своем прошении новгородскому губернатору указывает Станислав Станковский. Этот факт подтолкнул его к требованию кормовых и в Новгороде до отбытия в Белозерск, назначенный ему к проживанию (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 31).

Однако зачастую переезд и расходы, связанные с проживанием на всем пути из Сибири к новому месту водворения, были отнесены на счет возвращенцев. В некоторых случаях законодательно было предписано брать с них расписку, что «по прибытии в означенный край (в данном случае Новгородскую губернию – Авт.) не будет обращаться к местным властям с просьбами о денежном вспомоществовании» (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 17). Такая расписка, в частности, была истребована от Петра Янковского.

Местные власти крайне неохотно шли на поселение бывших политических преступников в губернских центрах. В Новгородской губернии для их водворения были определены Белозерск и Кириллов, расположенные на севере (ныне Вологодская область – Авт.). Некоторые, например, Болеслав Дырмонт, просили разрешения поселиться в Новгороде. В качестве аргументов отмечался факт плохого здоровья, ослабленного во время пребывания в Сибири, то, что Кириллов и Белозерск «по своему местоположению во всяком отношении не будут отличаться от Восточной Сибири» (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 39об.). В качестве последнего аргумента указывалось «совершенно безукоризненное поведение около 6 лет» в месте отбывания ссылки (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 40). Однако подобные аргументы не могли изменить ситуацию.

Даже временная задержка в губернском центре рассматривалась властями как нежелательная. Примером может служить история Михаила Рыцка, который прибыл в начале 1870 г. в Новгород. Денег на проезд к месту водворения у него не было. Их должен был привести отец, о чем Рыцк извещал в своем обращении к губернатору. К тому же был получен отказ из Департамента полиции исполнительной на просьбу Рыцка оставить его в Новгороде.

Именно «кормовые деньги из сумм, назначенных для состоящих под надзором полиции», являлись для многих бывших ссыльных основным источником существования в первые месяцы проживания на новом месте. Их требовал, как было указано выше, Станислав Станковский. Эти же деньги, оказавшись в непростой ситуации, затребовал и Михаил Рыцк в докладной записке на имя новгородского губернатора от 17 апреля 1870 г. Правда, для получения кормовых следовало предоставить документы об отсутствии имения. Подобное свидетельство, скрепленное печатью, было предоставлено Ковенским уездным предводителем дворянства от 10 марта 1870 г. относительно Болеслава Дырмонта (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 56), а 15 июня 1870 г. было направлено соответствующее письмо начальником Плоцкой губернии в отношении Михаила Рыцка (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 80). В некоторых случаях проводились присяжные розыски об имении и родственниках политического преступника. Например, подобное отношение 10 ноября 1870 г. было направлено канцелярией Виленского губернатора на адрес начальника Новгородской губернии в отношении Станислава Станковского (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 113). К нему же прилагались клятвенные обещания присяжных и запрашиваемая информация (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 114).

С июля 1870 г. Департамент общих дел МВД начал процедуру об открытии в Новгородской казенной палате кредита для пособия на содержание политических ссыльных. Первый в размере 68 руб. 95 коп. был открыт на имя Дырмонта (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 93), в августе того же года в размере 47 руб. 20 коп. – на имя Михаила Рыцка (ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 94).

Как мы видим, в короткий срок решался вопрос о выделении казенных средств на содержание бывших ссыльных на новом месте жительства. Несомненно, сказывалась близость к столице.

В Сибири подобного рода вопросы решались в течение многих месяцев, что было причиной бедственного материального положения польских ссыльных.

Однако не все прибывшие из Сибири поляки смогли в столь короткое время устроиться на новом месте жительства. Если Дырмонт и Рыцк получали от казны положенные им деньги, то их не мог добиться Станковский. В прошении на имя новгородского губернатора он отмечал, что в бытность нахождения в Енисейской губернии на основании ст. 558 т. XV Уложения о наказаниях в ред. 1857 г. он получал кормовые и квартирные, однако при водворении в Белозерске этих средств он был лишен, несмотря на многочисленные прошения. Лишь в январе 1871 г. в отношении Станковского было принято решение о выплате ему положенных денег (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 128). Правда, в соответствии с действовавшими законами он не получил ни копейки за период с момента прибытия в Новгород до назначения ему пособия. Как следствие – находился он «в самом бедственном, страдальческом положении без куска хлеба, одежды, да и квартиры» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2546. Л. 124).

В 1868 г. последовало очередное Высочайшее повеление, которым было разрешено некоторым участникам Январского восстания переселиться из Сибири во внутренние губернии. Одним из них оказался Ян Кринский, находившийся под полицейским надзором в г. Кургане Тобольской губернии. О намерении последнего переехать в Новгородскую губернию в феврале 1870 г. тобольский губернатор известил своего новгородского коллегу. Приложенный к отношению статейный список Кринского позволяет получить некоторую информацию о нем: из дворян Гродненской губернии, принимал активное участие в боевых действиях, находясь в «банде», был взят в плен во время боя с русскими войсками, по конфирмации командира 3-го резервного корпуса был лишен личных и по состоянию прав, был сослан в менее отдаленные местности Сибири, проживал с 1864 по 1870 г. под надзором полиции в Тобольской губернии (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 2 об.-3).

В отличие от упомянутых выше бывших ссыльных, Кринский отправился в Новгородскую губернию через Москву, что было явным нарушением действовавших законов. Однако его прибытие в Москву было не вызовом системе, а продиктовано вполне меркантильным интересом. Он обратился к московскому обер-полицмейстеру с просьбой разрешить ему «пробыть некоторое время в Москве, чтобы заработать сколько-нибудь денег на дальнейшее следование» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 4). Однако задержаться в первопрестольной ему не удалось, и решением московского губернатора он этапным порядком был отправлен в Новгородскую губернию.

Кринский, несмотря на свое активное участие в Январском восстании, оказался в более привилегированном положении, чем его предшественники. Если для последних административным порядком было разрешено проживание лишь в двух отдаленных городах, то ему было дозволено «беспрепятственное проживание в Новгородской губернии, с обязательством никуда из оной не отлучаться без особого ... разрешения» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 9). Ему на основании свидетельства от новгородского губернатора была предоставлена возможность зарабатывать частным образом. Поступление на государственную службу было не запрещено, но требовало «особого разрешения». Это дало ему возможность устроиться в частную типографию Классена (Классона), о чем извещал губернатора в своем рапорте новгородский уездный исправник в октябре 1872 г. (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2616. Л. 15). В середине 1880-х гг. он уже проживал в Херсонской губернии.

Надо сказать, что для некоторых поселенцев в Новгородской губернии режим был вполне либеральный. Так, переселившийся из Енисейской губернии Иосиф Рыкачевский, освобожденный от полицейского надзора на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. в августе 1872 г., получал возможность посетить отца в г. Луцке. Так, киевский, подольский и вольнский генерал-губернатор просил выдать разрешение Рыкачевскому на три месяца «для свидания с родными и устройства домашних дел» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2614. Л. 26) в августе 1872 г. В 1873 г. он совершил еще одну поездку, а местный генерал-губернатор «разрешил дворянину Иосифу Рыкачевскому пробыть у родителей его сверх одного месяца еще три» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2614. Л. 34).

Именно поездки к родственникам были единственной возможностью для поляков ненадолго оказаться в родных пенатах. Еще одним примером либерального отношения к ссыльным, оказавшимся на проживании в Новгородской губернии, являлся дворянин Могилевской губернии Зенон Оржешкевич.

Как участник Январского восстания он был сослан под надзор полиции в Тобольск, где и находился с 1864 по август 1870 г. За неимением средств он был отправлен в Новгородскую губернию этапом за казенный счет, о чем свидетельствует отношение тобольского губернатора и выданный на его имя билет (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2612. Л. 4-5).

Уже весной 1871 г. он обратился к новгородскому губернатору с просьбой разрешить посещение престарелого и больного отца. В переписку по этому поводу оказались вовлечены дополнительно Министерство внутренних дел, Департамент полиции исполнительной и могилевский губернатор. В августе того же года Оржешкевичу было выдано свидетельство с разрешением «на беспрепятственный проезд на собственный счет в Оршанский уезд Могилевской губернии и пребывание в уезде в продолжение одного месяца» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2612. Л. 24).

Положение польских ссыльных во многом зависело от отношения к ним губернского начальства. Новгородский губернатор Эдуард Васильевич Лерхе относился к ним с известной долей сочувствия. Это прослеживается и в судьбе упомянутого Оржешкевича. Уже через три недели после прибытия в Новгород (9 ноября 1870 г.) он был принят, как он сам впоследствии отмечал в докладной записке, «по предложению Вашего Превосходительства вольнонаемным писцом в Губернское по крестьянским делам Присутствие» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2612. Л. 25).

Вновь возникающие послабления для вернувшихся из Сибири польских ссыльных были во многом связаны с появлением новых законов. Одним из ключевых стал указ Правительствующего сената от 25 мая 1868 г. (№ 41369), который отдельным группам ссыльных даровал прощение с разрешением проживать в назначенной губернии с ограничением прав к поступлению на государственную службу. Правда, с разрешения министра внутренних дел некоторые из них получали право свободного жительства в губернии и избрания места жительства по собственному усмотрению, отлучаться из губернии с особого разрешения министра внутренних дел и согласования с шефом жандармов. Материальное благосостояние могло быть улучшено посредством «частных занятий» на общих основаниях.

В 1870–1871 гг. последовало очередное законодательное послабление для ссыльных поляков – их начали освобождать от надзора полиции, но запрет на проживание в столичных и западных городах сохранялся (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2613. Л. 53). Некоторые из них воспользовались этой возможностью, чтобы покинуть Новгородскую губернию. В качестве примера можно указать Онуфрия Заблоцкого (25 лет, из дворян Витебской губернии, бывший студент Горигорецкого земледельческого института, за участие в горигорецкой «шайке» по конфирмации начальника Западного края выслан под надзор полиции в Тобольскую губернию, откуда переселился в Новгородскую губернию в марте 1870 г. (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 12). В середине мая 1870 г. после неудавшейся попытки переселиться в Привислинский край он прибыл в назначенный ему для проживания г. Кириллов (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 23). Но уже 28 сентября того же года Департамент полиции исполнительной известил Новгородского губернатора об освобождении Заблоцкого от надзора полиции и предоставлении ему права повсеместного проживания в Российской империи, исключая столицы, столичные и западные губернии (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 29). Уже 13 октября соответствующее свидетельство было выдано ему на руки, о чем свидетельствует расписка (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35), а 14 октября, как доносил в своем рапорте кирилловский уездный исправник, он покинул город (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

Новые законодательные акты порождали новые волны переселенцев из Сибири в Новгородскую губернию. Так, на основании Высочайшего повеления от 9 января 1874 г. из Иркутской губернии под надзор полиции был переселен Франц Далевский. Как и многие другие участники Январского восстания, он получил право на переселение достаточно поздно. Это было связано с тем наказанием, которому он был подвергнут за участие в «мятежных шайках», – каторжными работами на рудниках на 20 лет (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 2). Выехав в июне из Иркутска, он прибыл в Новгород в сентябре. Уже в декабре 1874 г. ему была предоставлена возможность на шесть месяцев посетить в Варшаве престарелую мать Доминику (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 17). Имея положительные отзывы от новгородского полицмейстера, который в рапортах на имя губернатора отмечал, что Франц Далевский «во время пребывания в Новгороде ведет себя хорошо и вредных направлений в политическом отношении за ним не числилось» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 19), он неоднократно подавал прошения об освобождении его от полицейского надзора, что было бы первым шагом к возвращению на родину. Однако лишь в марте 1882 г. он получил «вольную» – освобождение от надзора и право свободного проживания в Империи. Уже 7 апреля, как доносил начальник Новгородского губернского жандармского управления губернатору, он выбыл на постоянное место жительства в Варшаву (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2743. Л. 40).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине 1850-х и на рубеже 1860–1870-х гг. Новгородская губерния приняла часть участников польского национально-освободительного движения, сосланных в свое время в Сибирь и впоследствии получивших право выехать во внутренние губернии Российской империи. Первая волна «возвращенцев» вышла из Восточной Сибири, которая вплоть до 1850-х гг. являлась основным местом уголовной, политической и административной ссылки. Вторая волна пришла преимущественно из западносибирских губерний. Наиболее тяжелым было положение «возвращенцев» до 1869 г., ибо губернские власти всячески стремились изолировать бывших политических преступников, направляя их на жительство в города, слабо связанные коммуникациями с остальным миром. К тому же они вынуждены были изыскивать средства к существованию. Материальное положение многих из них было бедственным по причине отсутствия возможности найти хоть какой-то заработок.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв.».

Литература

Алексеева, 2013 – Алексеева М.А. Польская политическая ссылка после восстания 1863–1864 годов // *К 150-летию Январского восстания в Польше: Польские ссыльные в Новгородской губернии*. Великий Новгород, 2013. С. 74–83.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1710.

Ковалев, 2019 – Ковалев Б.Н. Феофил Попель и другие: польская политическая ссылка в Новгородскую губернию после восстания 1863–1864 гг. / *Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства. Материалы Международной научной конференции* / Под ред. С.В. Леонова, Г.В. Талиной. Москва. С. 164–175.

Митина, 1966 – Митина Н.П. Во глубине Сибирских руд. Москва, 1966.

Недзелюк, 2009 – Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. Новосибирск, 2009.

Никулина, 2004 – Никулина И.Н. Из истории польской ссылки второй половины XIX века в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. Т. 307. № 4. С. 169–174.

Никулина, 2005 – Никулина И.Н. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // *Диаспоры*. № 4. С. 83–99.

Никулина, 2007 – Никулина И.Н. Представители католического духовенства в западносибирской ссылке (60–70-е гг. XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «Политология. Религиоведение». № 1. С. 155–160.

Никулина, 2011 – Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг. XIX в.). Иркутск.

Giller, 1867 – Giller A. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji. Lipsk, 1867.

Janik, 1928 – Janik M. Dzieje polakow na Syberji. Krakow, 1928.

Kuczyński, 1993 – Kuczyński A. Syberia. Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław, Warszawa, Krakow, 1993.

Librowicz, 1884 – Librowicz, Z. Polacy w Syberji. Krakow. G. Gebethner i Spolka.

Masiarz, 1999 – Masiarz V. Dzieje kościoła I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922. Krakow, 1999.

N.p., 1875 – N.p. Wspomnienie o duchowinstwie polskiem znaj dujacemsiem w ygnaniu w Syberji. Poznan, 1875.

Shaidurov, 2014 – Shaidurov V.N. Siberian Polonius as a result of national policy of the first half of the 19th Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 32. Is. 2. Pp. 245–251.

References

Alekseeva, 2013 – Alekseeva M.A. (2013). Pol'skaya politicheskaya sсыlka posle vosstaniya 1863 – 1864 godov [Polish political exile after the uprising of 1863–1864]. *K 150-letiyu Yanvar'skogo vosstaniya v Pol'she: Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoi gubernii*. Velikii Novgorod. Pp. 74–83. [in Russian]

ГАНО – Gosudarstvennyi arkhiv Novgorodskoi oblasti [State archive of the Novgorod region]. F. 138. Op. 1. D. 1710.

Giller, 1867 – Giller, A. (1867). Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji [Describing the Zabaikalskaya Land in Siberia]. Lipsk. [in Poland]

Janik, 1928 – Janik, M. (1928). Dzieje polakow na Syberji [The history of Poles in Siberia]. Krakow. [in Poland]

Kovalev, 2019 – Kovalev, B.N. (2019). Feofil Popel' i drugie: pol'skaya politicheskaya sсыlka v Novgorodskuyu guberniyu posle vosstaniya 1863 – 1864 gg. [Feofil Popel and others: Polish political exile to Novgorod province after the uprising of 1863–1864]. *Rossiya i Pol'sha: opyt tysyacheletnego sosedstva*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod red. S.V. Leonova, G.V. Talinoi. Moskva. Pp. 164–175. [in Russian]

Kuczyński 1993 – Kuczyński, A. (1993). Syberia. Cztery lata polskiej diaspory [Siberia. Four hundred years of the Polish diaspora]. Wrocław, Warszawa, Krakow. [in Poland]

Librowicz, 1884 – Librowicz, Z. (1884). Polacy w Syberji. Krakow. G. Gebethner i Spolka.

Masjarz, 1999 – Masjarz, V. (1999). Dzieje kościoła I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922 [History of the Church of the First Polish Diaspora in Tobolsk, Siberia. 1838–1922]. Krakow. [in Poland]

Mitina, 1966 – Mitina, N.P. (1966). Vo glubine Sibirskikh rud [In the depths of Siberian mines]. Moskva. [in Russian]

N.p., 1875 – N.p. (1875). Wspomnienie o duchowinstwie polskiem znaj dujacemsiem w ygnaniu w Syberji [The memory of the Polish clergy found in exile in Siberia]. Poznan. [in Poland]

Nedzelyuk, 2009 – Nedzelyuk, T.G. (2009). Rimsko-katolicheskaya tserkov' v polietnichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri 1881–1918 gg. [Roman Catholic Church in the polyethnic space of Western Siberia 1881–1918]. Novosibirsk. [in Russian]

Nikulina, 2004 – Nikulina, I.N. (2004). Iz istorii pol'skoi ssylki vtoroi poloviny XIX veka v Zapadnoi Sibiri [From the history of Polish exile in the second half of the XIX century in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 307(4): 169-174. [in Russian]

Nikulina, 2005 – Nikulina, I.N. (2005). Iz istorii prebyvaniya polyakov na Altae (60-e gg. XIX v.) [From the history of the poles' stay in the Altai (60s of the XIX century)]. *Diaspory*. 4: 83-99. [in Russian]

Nikulina, 2007 – Nikulina, I.N. (2007). Predstaviteli katolicheskogo dukhovenstva v zapadnosibirskoi ssylke (60-70-e gg. XIX v.) [Representatives of the Catholic clergy in the West Siberian exile (60-70-ies of the XIX century.)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*. 1: 155-160. [in Russian]

Nikulina, 2011 – Nikulina, I.N. (2011). Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoi Sibiri v XIX v. (20-e – pervaya polovina 70-kh gg. XIX v.) [Religion and political exiles of Western Siberia in the XIX century (20s–first half of the 70s of the XIX century)]. Irkutsk. [in Russian]

Shaidurov, 2014 – Shaidurov, V.N. (2014). Siberian Polonius as a result of national policy of the first half of the 19th Century. *Bylye Gody*. 32(2): 245-251.

Из Сибири в Новгородскую губернию: к вопросу о переселении польских ссыльных во второй половине 1850-х – начале 1870-х гг.

Владимир Николаевич Шайдуров ^{a, *}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Разделы Речи Посполитой в последней трети XVIII – начале XIX вв. привели к ликвидации польской государственности. Ее территории отошли Австрийской империи, Пруссии и Российской империи. Но только в России «польский вопрос» с конца XVIII в. оказался одним из самых болезненных, выливаясь в открытое или латентное противостояние националистически настроенной части польского общества и царской администрации. В результате подавления восстаний под предводительством Т. Костюшко, 1830–1831 гг., Январского восстания 1863–1864 гг., нелегальных кружков 1840-х гг. и политических партий второй половины XIX в. сформировалась многочисленная группа «государственных преступников», приговоренных судом либо внесудебным порядком к отбыванию ссылки или каторги в Сибири. Однако со временем они могли воспользоваться «царскими милостями» и испросить для себя послабление наказания либо возможность покинуть Сибирь, переселившись в одну из губерний Европейской части страны, исключая обе столицы, столичные и польские губернии. Амнистия 1857 г. положила начало формированию группы «возвращенцев», с конца 1860-х гг. их число постоянно увеличивалось. Новгородская губерния стала одним из центров не только отбывания ссылки, но и местом, куда переселялись поляки из Сибири. Целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с переселением поляков из сибирских губерний на Новгородчину в конце 1850-х – начале 1870-х гг. На конкретных примерах рассмотрены проблемы переезда, водворения, адаптации «возвращенцев» в новых условиях, их взаимоотношения с местными властями. Статья написана на материалах Государственного архива Новгородской области.

Ключевые слова: политическая ссылка, поляки, Сибирь, Новгородская губерния, социальные трансформации, адаптация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров)